

ПОМЕСТНАЯ КОННИЦА И ЕЕ ВООРУЖЕНИЕ В XVI—XVII вв.

Вопросам организации и социального состава поместной конницы посвящено не мало страниц и в специальной военно-исторической литературе и в литературе общенсторической. Мы посвящаем наше краткое исследование лишь двум вопросам, которые, как нам известно, и недостаточно, и не совсем правильно освещены: общей оценке качеств поместной конницы и ее вооружению.

Гудим-Левкович так характеризует поместную конницу: «Войска русского строя в смысле знания военного искусства немногим отличались от народного ополчения—это были помещики, а не воины. Война для них была тягостью, от которой они всеми силами старались отделаться». Автор ссылается на выражения, встречающиеся в литературе, такие, как: «Дай бог нажить рану легкую, чтоб немного от нее поболеть и от великого государя получить за нее жалованье», или: «Дай бог великому государю послужить, а сабли из ножен не вынимать». Гудим-Левкович считает, что у поместной конницы отсутствовала воинская доблесть, и что она была плохо подготовлена как в отношении одиночного владения оружием, так и в отношении действия ратных людей в строю. «Собираясь только во время войны, чины полковой службы не могли свыкнуться с необходимостью дисциплины»—замечает этот автор. Он указывает также на обязанность дворянина возить с собой в походе большое количество продовольствия и на трудность сбора ратных людей¹.

На такой точке зрения, более или менее резко выраженной, стоит большинство авторов, посвятивших свои труды исследованию военных сил России.

Почти дословно повторяет Гудим-Левковича и Сахаров в «Истории конницы». Он пишет: «Самая организация большей части русского строя влекла за собой: 1) отсутствие военной дисциплины и любви к военному строю, 2) совершенную неподготовку к военному делу, 3) отсутствие военной дисциплины, 4) продовольственные затруднения, 5) затруднение сбора ратных людей при тогдашних средствах сообщения»². Современный автор, полковник Разин, также считает, что поместная система привела к снижению боевой подготовки. «Поместная система резко увеличила численность войск, несколько снизила их боевую подготовку»³.

Поместная конница, конница «русского строя», в допетровской период представляется обычно каким-то случайным сбродом совер-

шенно неподготовленных к войне, необученных, плохо вооруженных людей, силою оторванных от своих поместий. Фраза: «конны, людны и оружны» понимается в таком значении, что на войну шли кто с чем мог, и на каких угодно лошадях. Ни у одного из авторов нет сколько-нибудь систематического описания вооружения конницы.

«Вооружение конницы (XVI—XVII вв.) состояло из лука со стрелами, топора, кинжала, кистеня, копья. Наиболее богатые войны имели сабли. Предохранительное вооружение конницы было весьма различное, в зависимости от средств каждого». Такое описание вооружению поместной конницы дает автор статьи в книге «История армии и флота»—труде весьма солидном и заслуживающем внимания⁴. Подобными же словами описывает вооружение поместной конницы и полковник Разин: «Вооружение конницы — пишет он — состояло из копья, лука со стрелами, кинжала, кистеня, топора. Сабли имели только богатые войны»⁵.

Подобные взгляды на поместную конницу должны быть подвергнуты критике, ибо те же авторы сами признают, что поместная конница была основным родом войск в допетровский период.

С помощью этой конницы Россия в XVI—XVII столетиях заняла одно из первых мест среди крупнейших западноевропейских и восточных государств. Как возможны были бы при отсутствии доблести, дисциплины, любви к военному делу, такие блестящие успехи, как завоевание Казани и Астрахани в XVI веке, как разгром польско-шведской интервенции в начале XVII столетия? Как примирить положение об отсталости конницы с представлением о ней, как об основной силе русской армии XVI—XVII веков?

Нам кажется, что эти противоречия разрешатся в том случае, если попытаться подойти к рассмотрению поместной конницы в ее историческом развитии. Не прав Денисон, который в своей книге «История конницы» утверждает, что «при Иване III и особенно при Иване IV русское военное искусство вылилось в те формы, в которых оно оставалось с небольшими изменениями до реформ Петра Великого». Изменения за два столетия были большие, и если проследить эти изменения, то, возможно, что в какой-то мере найдут свое место и положительные и отрицательные взгляды на поместную конницу.

В Западной Европе, в связи с ростом городов, уже с конца XIII столетия появляется интерес к пехоте. Короли организуют отряды арбалетчиков для борьбы с рыцарской конницей. Арбалет, появившийся в Западной Европе в конце XII столетия, был для конницы опасным оружием. Тяжелая стрела-болт, выпущенная из арбалета за 150 шагов, пробивала рыцарский доспех. В России арбалеты (самострелы) были также известны, но широкого распространения не получили.

Особенно же пехота начала развиваться с появлением огнестрельного оружия. Порох, положивший начало огнестрельному оружию, проник в Западную Европу с Востока в начале XIV столетия. «Для приобретения пороха и огнестрельного оружия требовались промышленность и деньги, а этими двумя вещами владели горожане, поэтому огнестрельное оружие стало с самого начала оружием горожан и возвышавшейся при их поддержке монархии против феодального дворянства. Непреступные до сих пор каменные твердыни дворянских замков пали перед пушками горожан, а пули их ружей пробивали рыцарские латы»⁷.

Военный мыслитель эпохи Ренессанса Маккиавелли (1469—1527), выдвигая на первое место пехоту, отдает, однако, должное и коннице, хотя конница стоит у него на втором плане. «Она необходима и не-

обычайно полезна — пишет он — для разведок, набегов и опустошения неприятельской страны, для внезапной тревоги и нападения на противника, для перерыва подвоза припасов... и для преследования разбитого противника»⁸.

Для устройства хорошей конницы Маккиавелли дает целый ряд советов, как-то: «Необходимо в своей округе воспитывать хорошие породы лошадей, приучать подданных торговать жеребьями, подобно тому, как торгуют телятами и мулами». Он даже советует применять с этой целью принудительные меры — разрешить иметь мулов и одеваться в шелк только тем, кто будет иметь лошадей.

В ином положении, нежели Западная Европа, находилась в тот период Россия. Молодое, бурно растущее государство, вынуждено было и охранять, и расширять свои границы как на Востоке, так и на Западе. Борьба за безопасность восточных окраин, борьба за волжский путь вела к столкновению с противником, у которого основным родом оружия была прекрасная иррегулярная конница. Борьба на западных границах ставила задачу образования мощной артиллерии и хорошей пехоты.

Борьба с Востоком до середины XVI столетия была первоочередной и она со всей необходимостью требовала организации могучей боеспособной конницы.

Павел Новокомский пишет, что Василий III «обычно может выставить для войны больше ста пятидесяти тысяч конницы». Он подчеркивает ненужность пехоты в условиях, при которых Москва вела в то время свои войны: «Пешие войска почти ни к чему не пригодны в этих обширных пустынях, как по своему одеянию, которое у них развеивается и доходит до пят, так и по привычке их врагов, которые упражняются при воинской службе скорее в набеге и быстрой езде, чем в правильном сражении или схватке»⁹.

Иоанн Фабр, переводчик при русском посольстве в Испании (1526), в донесении Фердинанду, инфанту испанскому, сообщает: «Великий князь, когда ему бывает нужно вести войну с татарами или с кафимским государем, или с кем-нибудь иным, в самое короткое время может собрать войско до 200 или 300 тысяч или сколько понадобится. После этого можно ли удивляться, что со столь сильною конницею, подобно рою пчел, одерживают россияне блистательные победы над турками, татарами и другими народами»¹⁰.

Значение конницы, как основного рода войск в России XVI века, отмечает в своих «Записках» и Ченслер (1553—1554). Он пишет: «Он (царь) никогда не берет с собой на войну ни крестьян, ни купцов, все его войны конные. Пехотинцев он не употребляет, кроме тех, которые служат в артиллерии, и рабочих». Ченслер таким образом совсем проглядел пехоту и стрелцов. Затем Ченслер дает описание вооружения всадников: «Всадники—все стрелки из лука, ездят на коротких стременах. Вооружение их состоит из металлической кольчуги и шлема на голове, у некоторых кольчуги покрыты бархатом или золотой парчей. Они стремятся иметь роскошную одежду на войне, особенно знать и дворяне»¹¹.

Основные качества всякой конницы, которые обуславливают ее значение и оправдывают ее существование в качестве специального рода оружия, заключаются в подвижности и маневренности в самом широком значении этого слова. Вся конница, по крайней мере в отдельных подразделениях, должна быть обслужена более или менее однородным конским поголовьем. И, наконец, вооружение конницы должно быть

также более или менее однообразным, во всяком случае в отдельных частях. С точки зрения наличия или отсутствия этих качеств нам и нужно подойти к оценке русской поместной конницы.

С середины XVI века устанавливается точно, сколько должен выставить каждый помещик людей и в каком вооружении с определенной земельной единицы. По «Уложению о службе» Ивана IV, основной мерой служит 100 четвертей «доброй угодной земли», с которых помещик должен выставить одного ратника на коне в полном доспехе, а в дальний поход с двумя конями.

В Никоновской летописи под 1064 (1555—1556) годом читаем: «Которые вольможы и всякие войны многими землями завладели, службою оскудеша, — не против государева жалования и своих вотчин служба их, — государь же им уровнения творяше: в поместьях землемерие им учиниша, комуждо что достойно, так устроиша, преизлишки же разделиша неимущим; а с вотчин и с поместья уложеную службу учини же: со ста четвертей добрые угодной земли человек на коне и в доспехе в полном, а в дальней поход о дву конь». Наряду с земельной единицей устанавливается и денежное жалованье. «И хто послужит по земли, — говорится далее, — и государь их жалует своим жалованьем, кормлении, и на уложенные люди дает денежное жалованье»,... «а хто дает в службу люди лишние перед землею, через уложенные люди, и тем от государя большее жалованье самим, а людям их перед уложенными в полтретья (2½ раза. М. Д.) давати деньгами». Помещики, не выставившие на службу «уложенных» людей, должны были платить за них деньги: «а хто землю держит, а службы с нее не платит, на тех самех имати деньги за люди»¹².

Как осуществлялось на практике Уложение 1556 г. видно из смотровых книг и других документов Разрядного приказа, ведавшего поместными войсками. По смотровым же книгам можно установить, из чего состоял «полный доспех».

Так, еще в книге 1553 г. говорится, что один из помещиков «Иван Иванов сын Кобылин-Мокшеев явился на коне в полном доспехе, в шишаке и в шеломе, и в наручех и в наколенниках о дву конь»¹³. В Боярской книге 1556 г., относящейся к Серпуховскому смотру, значится, что тот же Мокшеев явился снова в полном доспехе: «в юшмане, в шоломе и наручех и в наколенках», также с двумя конями.

Боярская книга 1556 г. дает чрезвычайно яркую картину вооружения поместной конницы середины XVI столетия и на анализе этого документа следует остановиться подробнее¹⁴. Текст книги сохранился не полностью. Он охватывает помещиков от 11 до 25-ой статьи, всего 174 имени. Каждой статье соответствует определенный земельный надел и определенный размер денежного жалованья. Самая высокая из уцелевших в тексте статей, 11-ая, — жалованья 50 рублей; самая низкая статья, 25-ая, — жалованья 6 рублей.

Наряду с крупными помещиками идут и очень мелкие. Один из самых крупных помещиков Андрей Сабуров, за которым числится поместья 1784 четверти в поле или 2½ сохи¹⁵, по уложению должен был выставить 16 человек в доспехах и одного человека в тегиляе. В Казани его людей было 7 человек в доспехах, а в Астрахани 29 человек в доспехах; в первом случае Сабуров не додал 9 человек, а во втором передал 13. Передача лишних людей и вооружения, как увидим ниже, довольно частое явление для данного периода. Другой из крупных же помещиков Григорий Сукин, имеющий вотчины одну четверть и поместья 600 четвертей в поле, привел на смотр в Серпухов 20 человек в доспехах, опять с огромной передачей.

Самый мелкий из записанных в указанную книгу помещиков, Куганик Верходеревский, за которым поместья числилось 250 четвертей, должен был выставить по уложению одного человека в доспехе и одного в тегиляе. Иван Кульнев, помещик средней руки, с 400 четвертей по уложению должен был дать трех человек в доспехах, а выставил 7 человек (четыре в доспехах и трех в тегиляях), т. е. передал четыре человека, за что получил 17 руб. Иван Кикин, за которым поместья числилось 50 четвертей, по уложению должен был выставить четырех человек в доспехах, но в Астраханский поход вместе с братом он дал 20 человек, из них 10 человек в доспехах и трех в тегиляях (в чем были остальные — не указано). На Серпуховской смотр он выставил людей по уложению и сам явился «о дву конь», в полном доспехе. Люди его также были «и в доспехах, и в наручех, и в шлемах, и в саадаках, и в саблях с копьями».

Согласно Боярской книге 1556 г., на Серпуховской смотр из 174 указанных в ней помещиков явилось только 92. Причины неявки остальных 82 следующие: 30 человек годовали в Казани, 7 — в Свияжске, два — в Нижнем Новгороде, 8 помещиков находились в плену у ногайцев, двое значились в немецком походе, трое были губными старостами, один с послами в Литве, один в Москве «давал милостыню». Указан еще ряд городов, где находились отсутствующие помещики: Калуга, Михайлов, Велиж и др. Четверо были больны. «Несысканными» из всего списка оказались только двое, некие Белоусов и Кончеев. 92 помещика, явившиеся на Серпуховской смотр, выставили 668 человек, из них 164 кошевых (т. е. нестроевых), 445 верховых коня и 32 вьючных лошади. Из 596 человек (принимая в расчет самих помещиков и не считая кошевых) 210 человек были в полных доспехах, т. е. в шлемах, в пансырях, в наручех и в наколенниках, 219 человек в неполных доспехах и только 164 человека в тегиляях. Таким образом, больше двух третей всего состава имели металлическую броню.

Кроме полных доспехов было налицо 45 пансырей, 1 кольчуга, 16 бахтерцев, 2 юшмана, 4 кукяка, 104 шлема, 58 шапок железных, 50 шапок медных, 3 шапки бумажные, 3 пары наручей и одна пара наколенников. Единственный раз упоминаются зеркала, — в зеркалах значится человек помещика Ждана Вешняковского. Позднее, в конце XVI и в XVII веке, зеркала встречаются гораздо чаще и уже Флетчер, по всей вероятности, имел в виду именно зеркала, когда писал: «сами они (военачальники) в щегольской броне, называемой булатной, из прекрасной блестящей стали..., на голове у них дорогой стальной шлем, сбоку меч (сабля), лук и стрелы»¹⁶.

В Боярской книге 1556 г. совершенно не упоминаются щиты. На отсутствие щитов обратил уже внимание С. В. Богоявленский, отметивший, что в Коломенской десятне 1557 г. не указано ни одного дворянина, вооруженного щитом¹⁷.

Щиты, по всей вероятности, начинают исчезать из вооружения с того момента, когда в доспехах появляются дополнительные подкрепления: наколенники, наручи, зеркала, когда начали вплетать металлические пластины в кольчужный доспех — в юшманы, бахтерцы, колонтари.

Остановимся на отдельных видах вооружения поместной конницы. Прежде всего, это пансырь и кольчуга. Оба эти доспеха — кольчатые и различие между ними до настоящего времени с предельной точностью оружейоведами не установлено. Ленц полагает, что это различные названия одного и того же кольчатого доспеха с той лишь разницей, что слово «кольчуга» — славянское, обозначающее кольчатую рубашку, слово

3. Труды ГИМ, вып. XX.

же «пансырь» греческое¹⁸. Однако во всех старых описях упорно подчеркивается различие кольчужных и пансырных колец. Например, о кольчуге XVII века сказано: «Кольчуга железная, плечи и рукава пансырные», или о юшмане Михаила Федоровича сказано: «кольца кольчужные»¹⁹. Самым отличительным признаком пансырного кольца от кольчужного, по всей вероятности, была форма. В описании кольчуг всегда отмечается «кольцо круглое», тогда как в описании пансырей кольцо будет «плоское» или «плосковатое». Разновидностью кольчуги является «байдана», состоящая из плоских крупных колец, часто со штампованными надписями.

Рис. 1. Кольчуга (байдана) дьяка Ивана Григорьевича Выродкова. (Гос. Исторический музей).

Байдана получила наиболее широкое распространение, видимо, в XVI веке. В Государственном Историческом музее сохранился редкий экземпляр этого рода доспеха — байдана дьяка Ивана Григорьевича Выродкова, строителя Свияжской крепости на подступах к Казани и осадной башни при штурме казанских стен в 1552 г. На кольцах этой байданы надписи: на одних — слова молитвы, на других — имя владельца.

К кольчатым же доспехам относятся «бахтерцы» и «юшманы», упоминаемые в Боярской книге 1556 г. Те и другие на груди и спине подкреплялись металлическими пластинками, вплетенными в основную кольчужную ткань рубашки. У бахтерцев пластины делались по преимуществу квадратные, у юшманов продолговатые; у более дорогих юшманов в

бахтерцев пластины украшались орнаментом, исполненным золотой насечкой. В описи пожитков Бориса Годунова 1589 г. значатся три юшмана московских — «доски широкие», 10 юшманов — «доски мелкие» и один юшман — «старый золочен». Бахтерцев в той же описи отмечено 16, кольчуг и пансырей — 100, из них только 20 названы немецкими, остальные 80, повидимому, московского дела или же восточные²⁰.

В собрании Государственного Исторического музея сохранился прекрасный юшман второй половины XVI века с широкими досками на груди и узкими на спине. Судя по Боярской книге 1556 г., юшманы в сере-

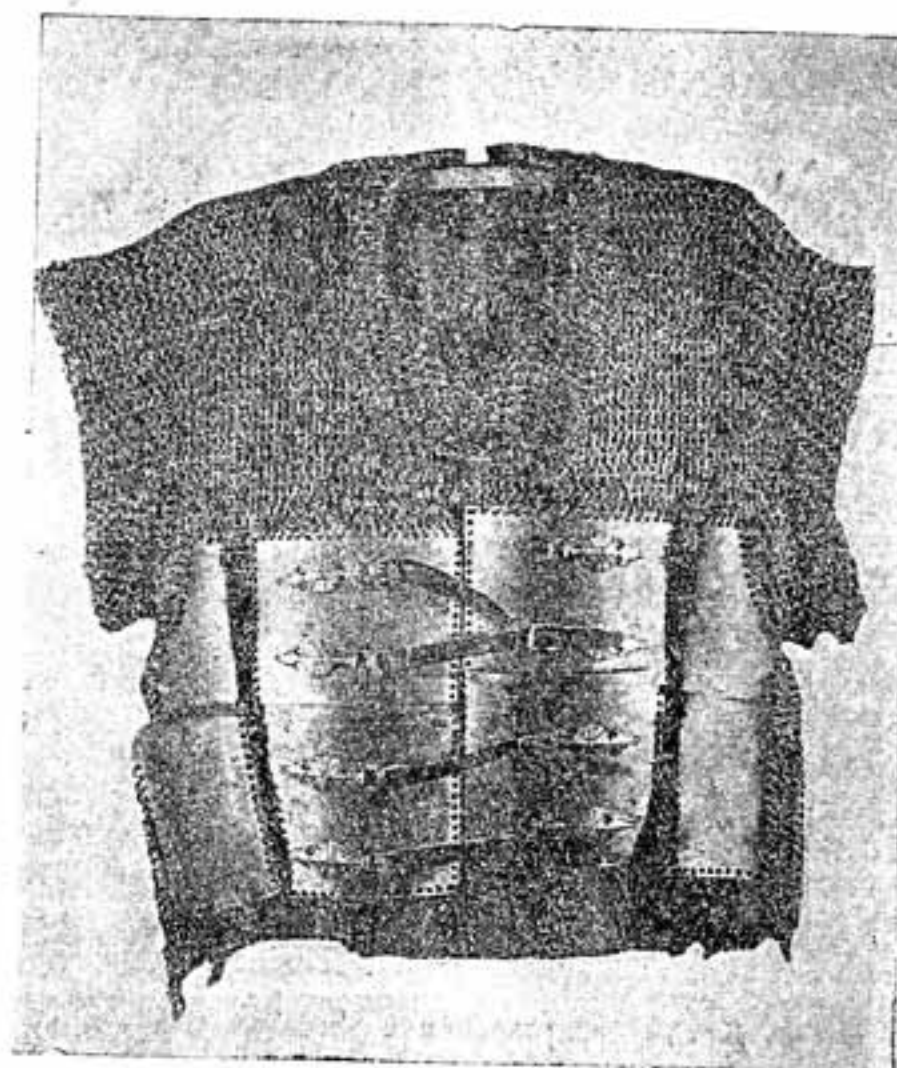

Рис. 2. Юшман русской работы XVI в. (Гос. Исторический музей).

дине XVI века были еще, видимо, редки. На весь Серпуховской смотр среди неполных доспехов их было всего два, бахтерцев же 16.

Кольчатый доспех, особенно подкрепленный металлическими пластинами, как юшман или бахтерец, был хорошей защитой и от стрелы и от холодного оружия. Хорошую, плотную кольчугу стрела не пробивала²¹. Курбский пишет, что когда он преследовал татар, вышедших в последний раз сразиться в поле после выдачи Едигера, то конь под ним был убит и самому ему нанесено много ран, но не смертельных, «понеже на мне сбройка (т. е. броня) была праотеческая, зело крепка». Также и брат Курбского, участвовавший в этой битве, спасся только благодаря крепкой броне: «и так его уранили, аже по пяти стрел в ногах ему было кроме иных ран, но живот сохранен, божию благодатью, понеже сбрую на себе зело крепку имел»²².

Большое место в защитном вооружении XVI века занимает еще «тегиляй». Это кафтан, плотно выстеганный на оческах льна или конопли, иногда с защитными внутри различными пластинками железа. Тегиляй делались тонкие и толстые; первые, повидимому, не были стеганными. Тегиляй одевались иногда и поверх доспехов. Так, например, у князя Горчакова на Серпуховском смотре на полном доспехе был еще надет «тегиляй бархатен».

Роскошные тегиляй отмечаются иногда не только на самих помещиках, но и на их людях. Так, например, пять человек помещика Кокошкина

Рис. 3. Русские всадники в тегиляях (Из книги Герберштейна).

были в тегиляях, причем у четверых тегиляй были суконные, а на пятом «бархат цветной». На двух из людей помещика Нащокина, выставившего всего шесть человек, были тегиляй: на одном «камчат», на другом «атласен». Иногда тегиляй обшивались мехом. Помещик Есипов, годовавший в 1555 г. в Свияжске, значится «на коне в саадаке и в сабле, в тегиляе в тонком с горностаем».

Иногда сверх доспехов одевали «ферязи» и «приволюки» (последние — род короткого плаща). На одном из людей помещика Вельяминова указана «приволюка бархатна». Помещик Мясоедов надел поверх доспеха «ферязь бархатну». Эти приволюки, тегиляй и ферязи и имеет в виду по всей вероятности Флетчер, когда говорит о золотой парче с горностаевой опушкой, покрывающей кольчугу.

«Куяк» — доспех из материи или кожи с нашитыми металлическими пластинками, хотя и относится к более древним типам защитного вооружения, сохранился, однако, почти до конца XVII века. В 1668 г. в Оружейной Палате было изготовлено 5 бархатных и 30 суконных куяков,

подложенных ватой с набитыми медными гвоздями²³. На Серпуховском смотре только четверо были в куяках.

Разнообразие видов защитной одежды все же было не настолько велико, чтобы не могла составить общая картина. Поместная конница должна была представлять собой массу, сверкавшую металлическими доспехами. Изредка встречавшиеся поверх доспехов приволоки, ферязи и тегиляй вносили в эту картину лишь отдельные красочные пятна.

Что касается головного покрова, то и здесь не наблюдается большого разнообразия. Из всех 668 человек на Серпуховском смотре лишь трое имели «бумажные шапки», остальные были в шлемах или в шапках железных или медных.

Шлемы имели коническую форму с сильно вытянутым верхом. Эти, так называемые, «шишаки» служили наилучшей защитой головы. Не только сабля или меч, но и оружие специально ударного назначения, как, например, различного рода топорки, клевцы, шестоперы соскальзывали с конической поверхности шлемов. Можно было нанести удар только вбок, контузить, «ошеломить». Образцы шишаков XVI века сохранились в музеях до настоящего времени. Таков шлем сына Грозного Ивана Ивановича (хранящийся в Оружейной Палате) московской работы 1557 г., роскошный, с золотой насечкой, шлем самого Грозного, находящийся в Стокгольме, и пять шлемов в Государственном Историческом музее, найденные вместе с монетами 1547 г. при раскопках в Москве на Варварке в 1895 г.

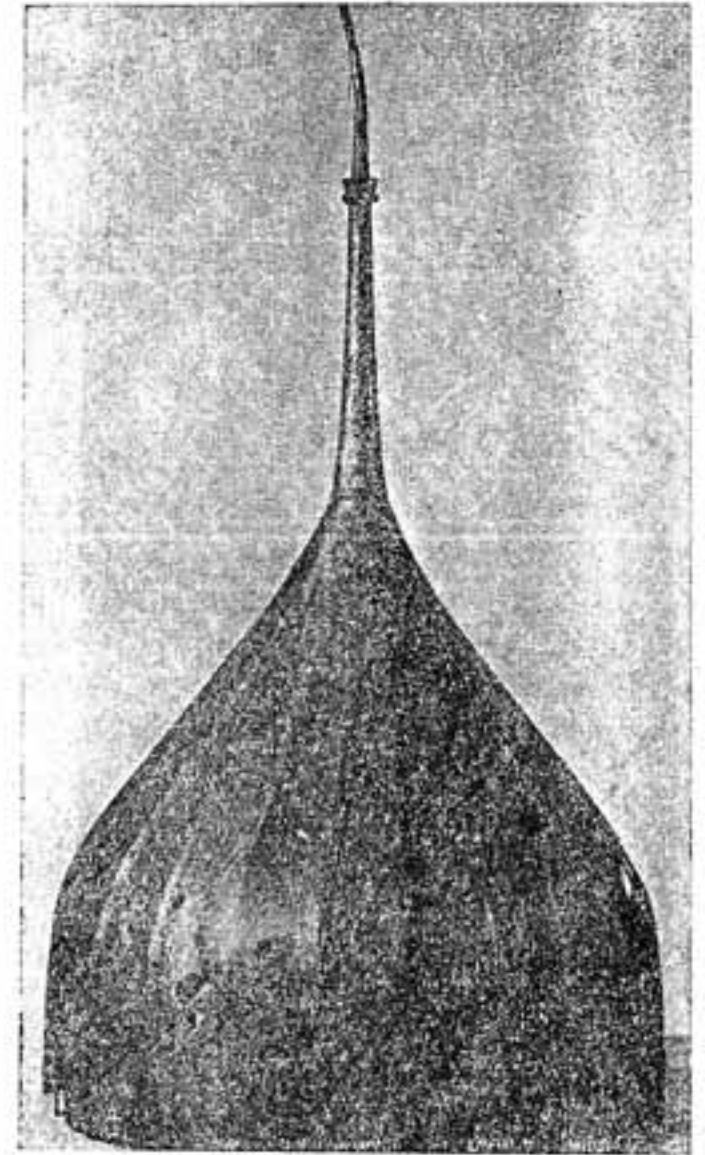

Рис. 4. Шлем (шишак) русской работы XVI в. (Гос. Исторический музей).

«Бумажные шапки», подобно тегиляю, выстегивались в более ранний период на оческах льна или конопли, а позднее на хлопчатой бумаге — вате. Только носовая стрелка, защищавшая лицо от поперечного удара клинком, делалась металлической. «Бумажные шапки», так же как и тегиляй, были суконные, бархатные и атласные. Если они не защищали голову от стрелы и сабли так же хорошо, как шлемы, то всё же ослабляли силу удара.

Известное однообразие в оборонительном вооружении поместной конницы было уже констатировано С. К. Богоявленским. Разбирая данные Коломенской десятины 1577 г., он отмечает, что из 279 коломенцев 163, т. е. 59%, имели полные доспехи, 156 были в пансырях, двое в кольчугах, один в юшмане и только трое в тегиляях²⁴.

Стремление к единообразию приводило к тому, что иной раз даже возникал вопрос как бы о некоторой, своего рода, униформе: еще при

наборе даточных людей в Новгороде в 1545 г. правительство потребовало, чтобы на них на всех «однорядки и сермяги были крашены»²⁵.

За недоданное оборонительное вооружение всегда следовали вычеты и прибавка за переданное. Так, например, помещику Юрьеву за двух переданных сверх уложения людей в доспехах назначили лишние 9 рублей, но из этой суммы вычли рубль за недоданный помещиком шлем.

Таким образом, полный доспех расценивался примерно в 4 р. 50 к. Князь Федор Борятинский за переданных им 5 человек в тегилях получил 17 рублей, а за три недоданных шлема ему надоплатили 3 рубля. Если встречаются некоторые отклонения в оценке доспехов и тегиляев, так как тегиляй мог быть и бархатный, и атласный, и суконный, а в доспех мог входить бахтерец и юшман, цена шлема всегда остается неизменной — один рубль. Соответствовало ли это действительной стоимости шлема или доспеха, мы не беремся утверждать категорически. Отмечаем лишь неизменность оценки.

Из наступательного оружия на Серпуховской смотре было предъявлено всего 44 саадака, 188 копий, 38 сабель и 52 рогатины — вооружение для 668 человек явно недостаточное. Наступательное оружие Уложением 1555 г. прямо не нормируется. Входило ли это оружие в полный доспех, или же им в какой-то мере снабжала казна — для нас пока остается неясным. Однако на основании того, что на Серпуховском смотре 1556 г. за недоданное боевое оружие у помещиков не вычитали из жалованья, предполагаем последнее.

В конце XVI века в холодном вооружении поместной конницы начинает преобладать сабля. По той же Коломенской десятне С. К. Богоявленскому удалось установить, что из 279 человек саблями были вооружены 94%, копьа же были только у 12 человек, причем у восьми они являлись дополнительным оружием к саадаку и сабле. Наряду с восточными саблями, видимо, имелись сабли и русской работы. С. К. Богоявленский полагает, что восточная сабля была роскошью, доступной немногим вследствие ее высокой цены. Это вполне правильно по отношению к первой половине XVI века. Герберштейн также отмечает, что саблю употребляли «более знатные и более богатые». Но во второй половине и особенно в конце XVI и в XVII столетии положение было, видимо, иным. Насколько нам известно из дел Персидского двора, в конце XVI века обычная цена полосы персидской сабли не превышала трех рублей, а сабля в монтировке стоила от 5 до 6 рублей. Так, например, в 1590 г. посол

шаха Аббаса I Булат-бек поднес в дарах царю Федору Ивановичу «полосу булатную цена 3 рубля». Бывшие с ним шаховы дворяне поднесли также несколько сабель и сабельных полос, примерно в ту же цену. Первый дворянин «ударил челом сабля булатная, наведена золотом, ножны хоз²⁶ празелен цена 5 рублей». Второй дворянин поднес булатную саблю в черных хозовых ножнах ценою 4 рубля²⁷.

Можно привести целый ряд подобных примеров для оценки восточной булатной сабли конца XVI—XVII столетия.

Рис. 5. Шляпа бумажная русской работы XVII в. (Гос. Оружейная Палата).

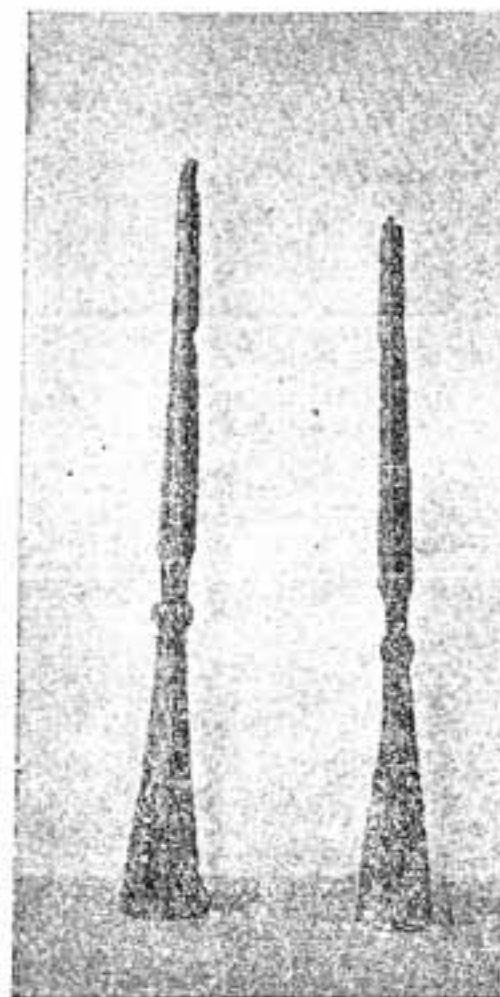

Рис. 6. Наконечники копий первой половины XVI в. (Гос. Исторический музей).

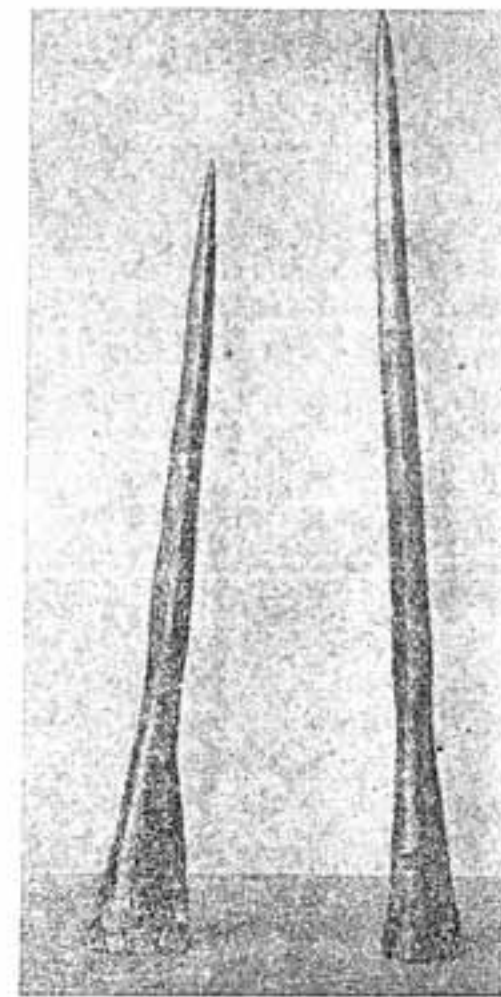

Рис. 7. Наконечники копий XVI — начала XVII в. (Гос. Исторический музей).

Саблю в 3—4 рубля мог иметь не только крупный вотчинник, но и дворянин средней руки даже при высокой стоимости денег того времени.

Чтобы составить окончательное суждение о защитном и наступательном вооружении поместной конницы, нужно просмотреть не одну смотровую книгу, не одну десятню, но даже и на основании приведенных нами документов мы берем на себя смелость утверждать, что поместная конница была не разношерстной пестрой толпой, а войском, вооруженным по требованию правительства более или менее однообразно.

Уже в первой половине XVI столетия в русской коннице наблюдается стремление к единообразию и в конском составе. Еще Герберштейн отмечает, что «лошади у них (конников) маленькие, холощенные, не подкованные, узда самая легкая»²⁸. Современник Ивана IV Михалон Литвин пишет: «Москвитяне всякую весну получали из орды ногайских татар многие тысячи лошадей, годных для войны»²⁹.

Позже, в конце XVI века, Маржерет также говорит, что лошади поступают в Московию главным образом «из Татарии ногайской; их на-

зывают конями, они роста среднего, весьма удобные для работы и бегут без отдыха 7 или 8 часов»³⁰.

На протяжении всего XVI и XVII столетия под понятием «конь» определенно подразумевалась выхолощенная лошадь ногайской породы. Русские лошади назывались меринами. В Уложении царя Алексея Михайловича сказано определенно: «Конь 8 руб., кобыла ногайская 6 руб., жеребенок 3 рубля». Русские лошади расцениваются иначе: «мерин 4 рубля, кобыла русская — 3 рубля и жеребенок русский — 1½ рубля»³¹. О лошадях русской породы Маржерет пишет следующее: «Лошади русские называются меринами, они малорослы, но крепки, особенно из окрестностей Вологды»³².

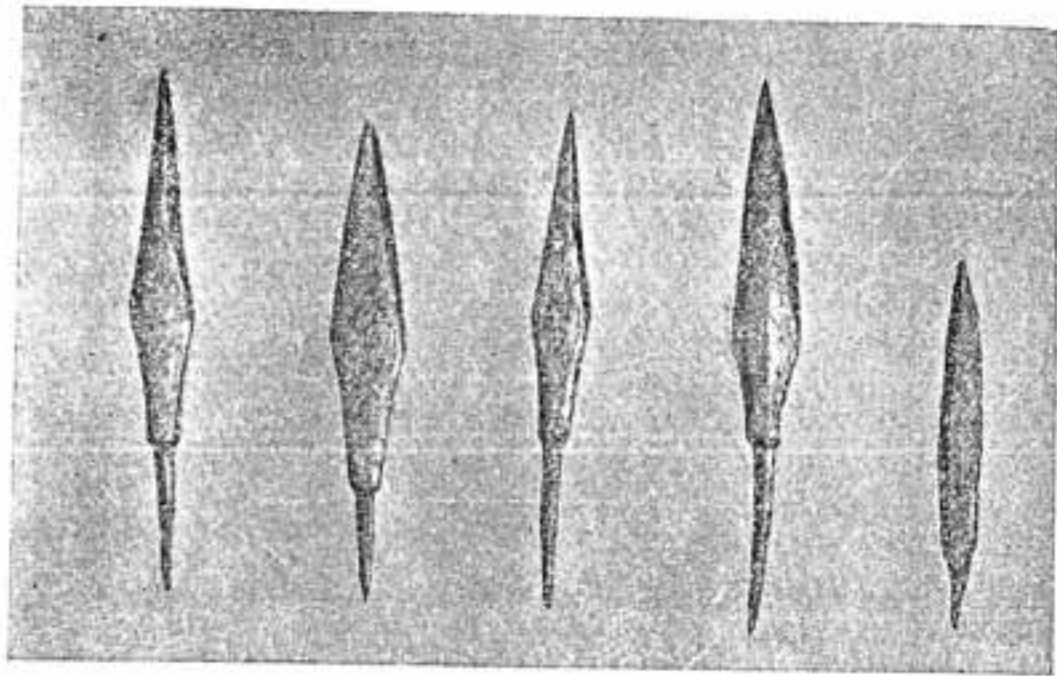

Рис. 8. Наконечники стрел XVI в. (Гос. Исторический музей).

Таким образом, можно предположить, что на Серпуховском смотре 1556 г. почти вся конница была обслужена однородным конским составом, за исключением вьючных лошадей.

Однообразным было и седлание коней. В коннице русского строя было принято седло восточного типа с короткими стременами, для XVI столетия — татарское, для XVII — персидское. Арчак восточного седла был высокий, опирался на спину коня только седельными полками, задняя лука делалась отлогая и давала возможность всаднику свободно поворачиваться во все стороны.

По поводу седлания коней Герберштейн пишет следующее: «Седла приспособлены у них (русских) с таким расчетом, что всадники могут без всякого труда поворачиваться во все стороны и натягивать лук»³³. «Русские, так же как и турки, ездят на коротких стременах» — отмечает Ченслер. Отрицательной чертой такой посадки была ее неустойчивость: всадника сильным ударом легко было выбить из седла, но при рассыпном строе, принятом в иррегулярной коннице, это не имело большого значения. Гораздо большее значение имела возможность свободно поворачиваться во все стороны в седле, обороняться и с флангов и с тыла, для чего требовалась большая тренировка. Маржерет о татарах говорит, что «они наездники столь искусные, что на всем скаку прыгают с одной лошади на другую».

Такое же искусство требовалось и от русских конников. Общение с лошадью с детства (до нас дошли образцы детских седел, правда, из царского быта), частые походы в зрелом возрасте, особенно в XVI столетии, обязательное присутствие поместной конницы на смотрах и участие в парадных церемониальных процессиях обеспечивали необходимую тренировку. Ее наличие подтверждается записками современников, документами и иллюстративным материалом.

Павел Новокомский пишет: «Вся молодежь упражняется в разнообразных играх и при том весьма близких к военной службе, состязается в беге взапуски, борется в кулачном бою и ездит в конском ристании»³⁴. Бернгардт Танер, присутствовавший при встрече польско-литовского посольства в 1678 г., рассказывает, что русские всадники искусно перескакивали на всем скаку из одного седла на другое³⁵. Из документов, относящихся к тому же времени, мы узнаем, что, например, для встречи шведских послов токарь костяного дела Оружейной Палаты Иван Никитин делал 100 подъемников костяных для того, чтобы «подымать с лошади верховой с земли стрелы»³⁶. Подобное искусство, видимо, практиковалось и ранее. Зарисовки Мейерберга, относящиеся к 1661 г., показывают нам лихих всадников, поднимающих с земли стрелы.

По всей вероятности, упражнялись и в стрельбе из лука. Едва ли у русского боярина и дворянина, который знал, что он по первому

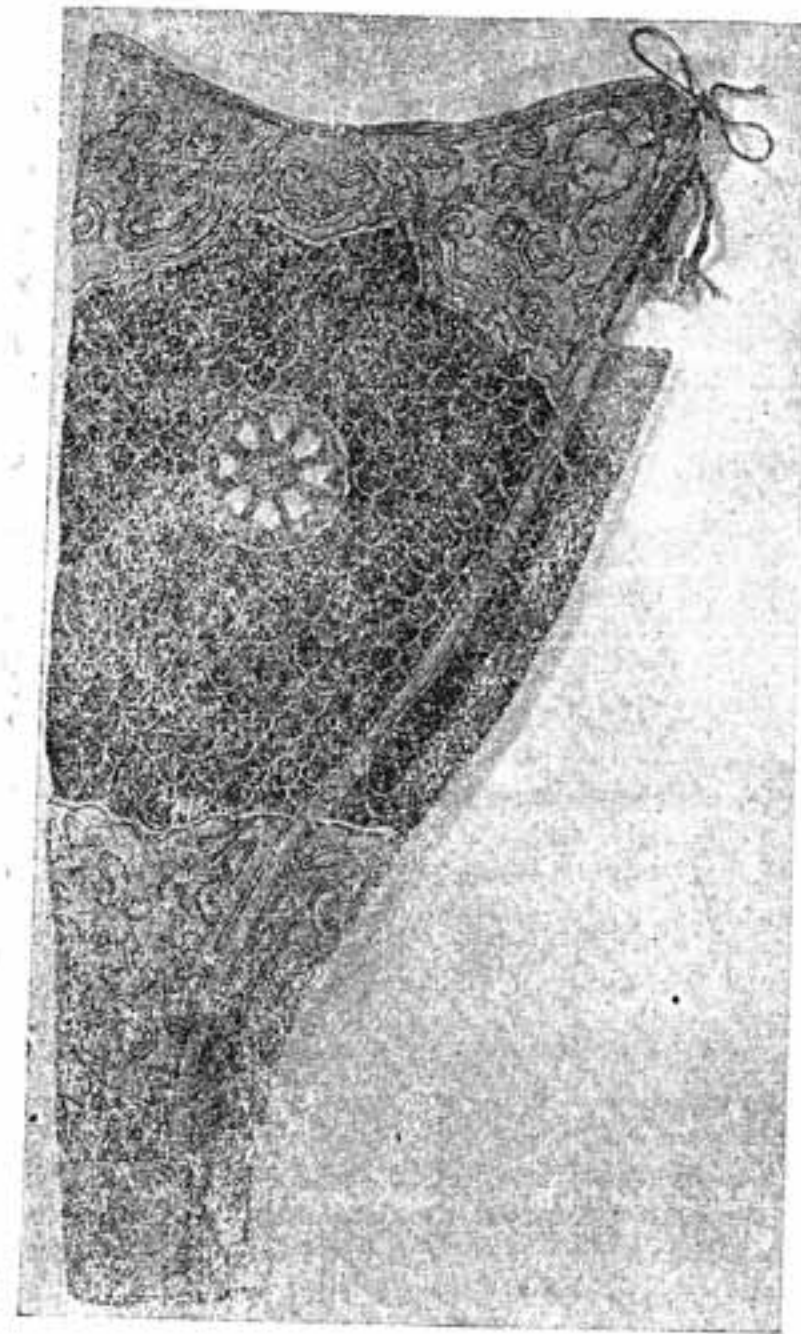

Рис. 9. Налучье XVI в. (Гос. Исторический музей).

зову правительства должен идти на войну, лук неподвижно пылился на стене от похода до похода. Павел Новокомский также отмечает, что русские «весьма искусно пускают стрелы».

Смотрам придавалось большое значение; за неявку на смотр отписывались поместья. Так, в грамоте от 15 февраля 1556 г. новгородским дьякам Федору Еремееву и Казарину Дубровскому указано: «которые дети боярские ноугородские и луцкие и ржевские помещики к боярам и к воеводам нашим... к Спасу на Неву к смотрению не приехали и тех детей боярских по именам привезли 6 к нам списки. И вы бы по тому списку велели у тех детей боярских поместье отписать на меня царя и великого князя по нашему приказу»³⁷.

К недостаткам поместной конницы относят медлительность сборов, забывая тот факт, что поместную конницу, как и все войско, собирали, как правило, вовсе не тогда, когда вторгался неприятель, а значительно раньше. К походам начинали готовиться за несколько лет, отправляя к пограничным городам продовольствие, строя крепости. Свияжск строили за год до взятия Казани, даточных людей с Новгорода и Новгородской области для казанского похода начали набирать в 1545 г. А если принять в расчет, что средства передвижения у противника были те же самые, то и с этой стороны подготовку поместной конницы нельзя считать отсталой.

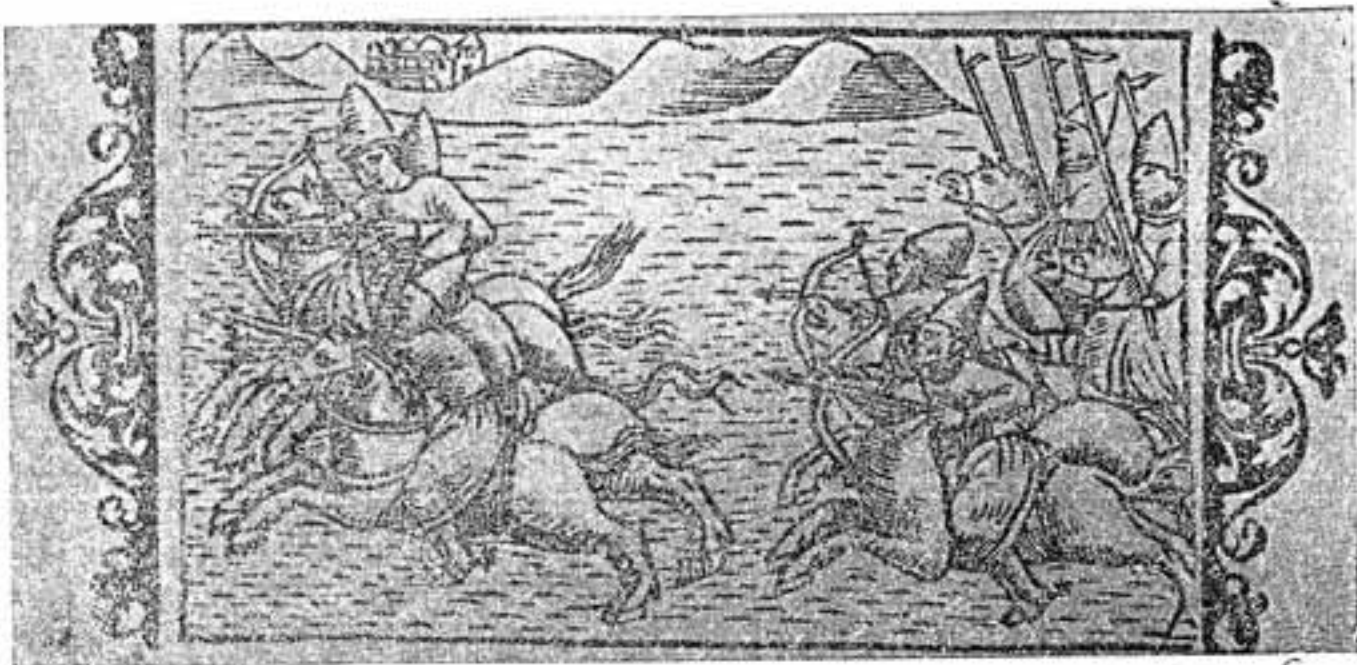

Рис. 10. Русская конница середины XVI в. (Из книги упсальского архиепископа Олая).

XVI век был временем расцвета поместной конницы. Ливонские походы, блистательные победы под Казанью и Астраханью служат прекрасным свидетельством ее боевых качеств. Мы отнюдь не думаем приписывать все военные успехи эпохи Ивана IV только поместной коннице, но полагаем, что она вложила немалую долю своего труда в создание той военной мощи, характеристику которой дает Михалон Литвин: «Свободу защищает он (русский царь) не сукном мягким и не золотом блестящим, а железом, народ у него всегда в оружии, крепости снабжены постоянными гарнизонами, мира он не вымалывает, силу отражает силою, воздержанию татар противопоставляет воздержание своего народа, трезвость — трезвости, искусству — искусство»³⁸.

Дальнейшее развитие огнестрельного оружия и широкое внедрение его в западноевропейской кавалерии, с которой все чаще и чаще приходилось сталкиваться русским войскам, вызвало необходимость в перевооружении и русской конницы.

С начала XVII столетия поместная конница начинает вооружаться и огнестрельным оружием. Так, в 1621 г. помещик Афанасий Лутовинов явился на смотр «на мерине с пищалью и с саблею; доспеха никакого нет»³⁹. В Государственном Историческом музее сохранился ствол еще более ранней пищали 1614 г., принадлежавшей князю Катыреву-Ростовскому⁴⁰. В 1622 г. помещик Иван Зловидов, имевший 300 четвертей земли, 10 человек крестьян и 10 бобылей, заявил у разбора, что он будет «на государственной службе без жалованья на коне на добром в пансыре в саадаке с саблею, а за ним человек на коне в пансыре с пищалью

и с саблею-ж». Если же ему будет «государево денежное жалованье, то он службы прибавит — даст еще человека с двумя конями в пансыре с пищалью и с саблею». Помещик Владыкин, по «сказке окладчиков и всего города», был так разорен от «литовских людей и казаков», что без жалованья служить не может, но если государь «пожалует его денежным жалованьем», то он будет «сам на коне в пансыре в саадаке и с саблей, с простым конем, с которым будет человек с пищалью и с саблею»⁴¹. В 1632 г. некий Богдан Самарин является на «мерине добром с пищалью да с саблею», другой помещик Василий Ахметьев на коне с двумя пищалями. В 1645 г. путивльский помещик Леонтий Литвинов

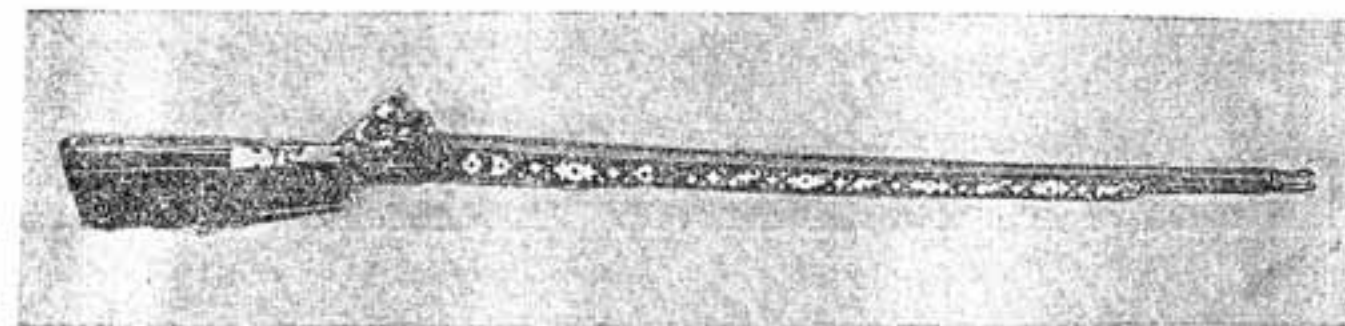

Рис. 11. Пищаль XVII в. работы русского мастера Осипа (Гос. Исторический музей).

сказал, что «будет на государевой службе на коне с пистолем, да с карабином, да с саблею».

Вооружение поместной конницы в XVII веке огнестрельным оружием, по требованию правительства, становится обязательным.

В наказе 1643 г. псковским воеводам определенно указано, как должны быть вооружены служилые люди. Дворяне, дети боярские и новики, т. е. верстанные в службу вновь, все должны явиться с огнестрельным оружием, и не только с пистолетами, но и с оружием дальнего боя — пищалями и карабинами, «а которые дворяне и дети боярские ездят с одними пистолетами, а к пистолетам карабинов и мерных пищалей не держат, и те бы к пистолетам держали карабины или пищаля мерные». Выезжавшие с саадаками должны были иметь сверх того по пистолету или по карабину. Только людей, сопровождающих дворян, если они хорошо владели лучною стрельбою, разрешалось снаряжать одними саадаками, но при отсутствии у них саадаков и для них были обязательны «пищаля долгие или карабины добрые».

Долгие пищаля должны были иметь и люди, находящиеся в обозе «для обозного строения». Исключение делалось только для мелких помещиков, людям которых, находящимся в коше, вместо огнестрельного оружия разрешалось, «за скудостью», иметь лишь рогатины и топоры. В заключение, боярам и воеводам наказывается строго, чтобы «на государеву службу готовили во всем против нашего указу».

При такой насыщенности огнестрельным оружием защитное вооружение, казалось бы, должно было выходить из употребления. Однако мы видим, что формальные требования в этом отношении остаются прежними. В том же наказе 1643 г. читаем: «да и то б есте дворяном и детем боярским и новиком сказали, чтоб они на нашей службе были против нашего указу в сбруях, латах, бахтерцах, пансырях и в шеломах и в шапках мисюрках»⁴².

Едва ли эти требования вызывались только старыми традициями. По всей вероятности, они были обоснованы также и боевой необходимостью.

При атаке конница могла действовать только холодным оружием, а от холодного оружия шлемы, пансыри и бахтерцы были хорошей защитой. Огнестрельное оружие, особенно длинные пищали, по всей вероятности, нужно было коннице больше всего при действии в спешном строю, однако возможно предположить, что всадники стреляли с лошадей не только из пистолетов и карабинов, но даже и из «долгих пищалей».

Посошков, чрезвычайно критически относящийся к войскам старого строя, замечает: «найдутся у нас стрельцы в низовых городах и в сибирских странах, что скачючи на коне из длинного ружья в цель бьют и заряжают».

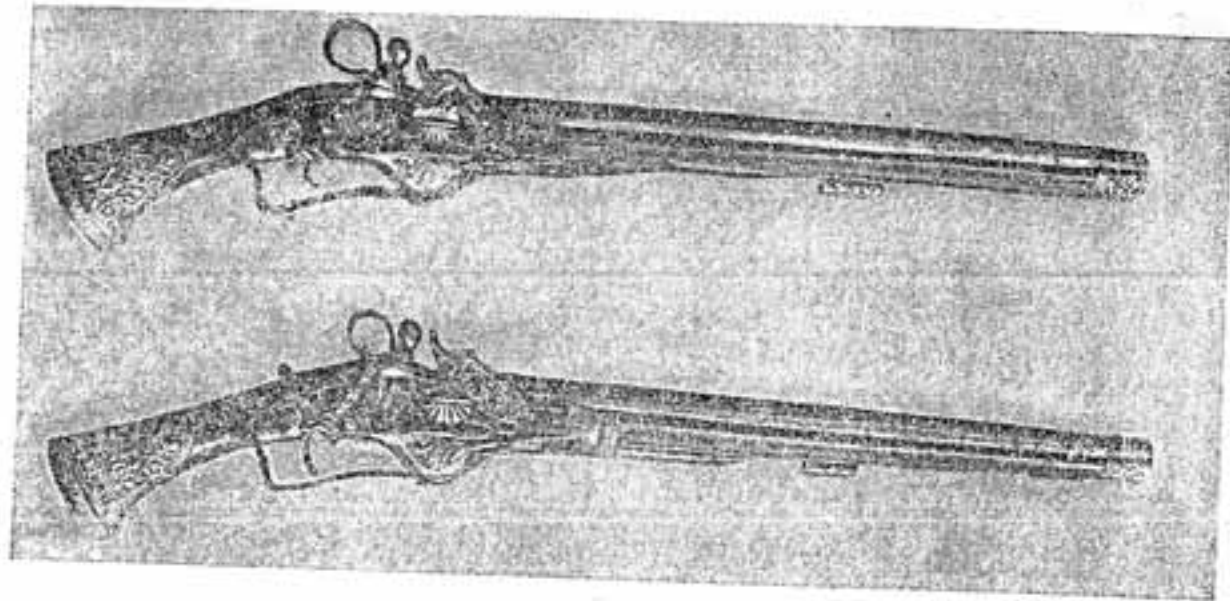

Рис. 12. Пистолы XVII в. работы русского мастера Елисея. (Гос. Исторический музей).

К середине XVII столетия огнестрельным оружием вооружают не только ту часть конницы, которая должна была защищать западные границы, но и ту часть, которая должна была действовать против татар. Грамота в Елец стольнику и воеводе Борецкому от 28 октября 1652 г. гласит следующее: «а детям боярским елчанином и всяких чинов служилым людям сказал, чтобы к службе были готовы, лошади кормили и ружье всякое сами и люди их крестьяне держали, что б в тот татарский приход никаких человек без ружья не был»⁴³.

С внедрением в конницу огнестрельного оружия потребовались и новые тактические навыки, а для них была нужна систематическая выучка.

С 30-х годов XVII столетия в России начинает формироваться конница так называемого «иноземного строя» — рейтарские и драгунские полки, сначала из иноземцев, а затем из русских беспоместных, даточных и «охочих людей» с иноземным командным составом. Насколько конница иноземного строя была выше поместной конницы, мы постараемся показать в специальной статье, посвященной зарождению регулярной конницы в России. Будущее, несомненно, было за ней.

При заключении Андрусовского перемирия в 1668—69 г. дворян и детей боярских было 19 000 из 42 500 конницы. В чигиринском походе 1674 г. в коннице Большого полка состояло 28 000 из общего количества конницы в 71 088 человек.

Во втором крымском походе 1689 г. людей «русского строя» было 17 206 человек, а иноземного — 78 652 человека. Из всего состава конни-

цы московских чинов — дворян и детей боярских полковой службы — насчитывалось всего лишь 7 936 человек⁴⁴.

Так закончила к началу XVII столетия свою историческую роль поместная конница, уступив место регулярной кавалерии. Но известные традиции поместной конницы, в частности, ее умение сражаться и в пешем, и в конном строю, перешли к основной части новой конницы, организованной Петром I, — к драгунам, а ее лихое наездничество, стремительность и удаль остались за казачьими частями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гудим-Левкович. «Очерк исторического развития вооруженных сил России до 1706 г.», «Военный сборник», 1876 г., т. I, стр. 15 и 16.
- ² Сахаров В. «История конницы», СПб., 1889 г., стр. 23.
- ³ Разин Е. «История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны», М., 1940 г., стр. 225.
- ⁴ «История армии и флота», т. I, М., 1911 г., стр. 45.
- ⁵ Цит. соч., стр. 225. Лишь в последнее время С. Богоявленский подверг пересмотру вопрос о вооружении русских войск XVI—XVII вв. Он пишет: «Чувство самосохранения заставило дворян выбирать оружие не по произволу, а в соответствии с приемами войны и вооружением противника» («Вооружение русских войск в XVI—XVII вв.», «Историч. записки», кн. IV, стр. 299).
- ⁶ Денисон. «История конницы», пер. с нем., СПб., 1897 г., т. II, стр. 104.
- ⁷ Энгельс Ф. «Анти-Дюринг», М., 1933 г., стр. 119.
- ⁸ Маккиавелли Никколо. «О военном искусстве», М., 1934 г., стр. 66.
- ⁹ Герберштейн С. «Записки о московских делах», СПб., 1908 г. Новокомский Павел. «Книга о Московском посольстве», стр. 274.
- ¹⁰ «Отечественные записки», СПб., 1826 г., № 70, ч. 25, стр. 298—300.
- ¹¹ Готье Ю. В. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», М., 1937, стр. 59.
- ¹² ПСРЛ, т. XIII, 1556 г., стр. 268, 269.
- ¹³ Висковатов. «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», ч. I, СПб., 1899 г., стр. 76, приложение.
- ¹⁴ «Архив историко-юридических сведений» Калачева, кн. III, «Боярская книга 1556 г.».
- ¹⁵ Т.-е. более 2 600 десятин.
- ¹⁶ Флетчер. «О государстве русском», СПб., 1905 г., стр. 67.
- ¹⁷ Богоявленский С. К., стр. 260.
- ¹⁸ Ленц Э. «Опись собрания оружия графа Шереметева», СПб., 1895 г., стр. 5.
- ¹⁹ Оружейная Палата, №№ 4425 и 4561.
- ²⁰ Саввантов П. «Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора», СПб., 1865 г., стр. 21—38.
- ²¹ В письме английского путешественника Артура Удварда среди товаров, назначенных для персидского шаха, значится: «10 или 12 кольчуг хорошего качества (иных не нужно), которые бы могли выдержать удар стрелы». См. «Английские путешественники в Московском государстве XVI в.», перев. с англ. Ю. Готье, М., 1937 г., стр. 235.
- ²² Курбский. «История о великом князе Московском», СПб., 1868 г., стр. 31—32.

- ²³ Забелин И. «Домашний быт русских царей», т. II, М., 1915 г., стр. 847. приложение.
- ²⁴ Цит. соч. стр. 289.
- ²⁵ «Акты Археографич. экспедиции», т. I, стр. 184.
- ²⁶ Хоз — это козлиная кожа, обработанная особым способом.
- ²⁷ Веселовский Н. И. «Памятники дипломатических сношений с Персией», т. I, стр. 97.
- ²⁸ Герберштейн С., стр. 75.
- ²⁹ Михалон Литвин. «О нравах татар, литовцев и москвитян». «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. II, пол. 2, ст. 5, стр. 27.
- ³⁰ Маржерет. «Сказания иностранцев о Дмитрие Самозванце», ч. 1, стр. 58.
- ³¹ «Полное собрание законов Росс. империи», т. I, Уложение, стр. 157.
- ³² Маржерет, стр. 58.
- ³³ Герберштейн С., стр. 75.
- ³⁴ Новокомский Павел, стр. 271.
- ³⁵ Танер Бернгардт. «Описание путешествия польско-литовского посольства в Москву в 1678 г.», М., 1891 г., стр. 46.
- ³⁶ Столбцы архива Оружейной Палаты, № 17086, к. 85, л. 3. «Госуд. Архив древних актов».
- ³⁷ «Дополнения к Актам историческим, изданные Археографич. комиссией», т. I, СПб., 1846 г., д. № 100 за 1566 г.
- ³⁸ Михалон Литвин, стр. 36.
- ³⁹ Иванов. «Описание государственного разрядного архива», М., 1842 г., стр. 26 — 30.
- ⁴⁰ Соболев Н. И. «Пищаль князя М. Катырева-Ростовского 1614 г.», «Труды Государственного Исторического музея», М., 1941 г., т. XIII, стр. 129.
- ⁴¹ Иванов, стр. 30.
- ⁴² «Акты Археографич. экспедиции», т. III, № 319.
- ⁴³ «Полное собрание законов Росс. империи», т. I, № 87, стр. 280.
- ⁴⁴ «Столетие военного министерства», т. IV, приложение 10.